

О. Д'ЭРВИНИ О РЕЛИГИОЗНОМЪ ОБРАЗѢ МОСКВЫ въ Октябрѣ 1925 г.

(Michel d'Herbigny, S. I. L' aspect religieux de Moscou en octobre 1925. *Orientalia Christiana*. Vol. V — 3, № 20 Ianuario. 1926.)

Предметъ этой книги не можетъ не волновать русскихъ православныхъ людей оторванныхъ отъ своей родины. За границей русскіе такъ мало знаютъ о томъ, что совершается внутри Россіи, какъ протекаетъ тамъ религіозная жизнь, что всякое слово живого свидѣтеля, изъ Россіи недавно прѣхавшаго, пріобрѣтаетъ особое значеніе. Книга о. д'Эрвини читается съ большимъ интересомъ, она искусно написана, и вмѣстѣ съ тѣмъ она вызываетъ чувство горечи и протеста. О. д'Эрвини считается въ официальномъ католическомъ мірѣ самымъ большимъ специалистомъ по Православію и по русскому вопросу. Онъ стоитъ во главѣ Institut pontifical oriental. Онъ много писалъ о Россіи. Цѣлый рядъ выпусковъ *Orientalia Christiana* былъ уже посвященъ имъ русскому Православію, русской душѣ и русскому религіозному движенію. Онъ извѣстенъ своей книгой о Вл. Соловьевѣ. О. д'Эрвини прочелъ очень много русскихъ книгъ, тщательно слѣдилъ за движеніемъ русской мысли, со многими говорилъ. Но приходится рѣшительно сказать, что умственный и духовный складъ самого о. д'Эрвини чрезвычайно неблагоприятенъ для пониманія русской души, русскаго религіознаго типа. О. д'Эрвини очень типичный человѣкъ латинской культуры, латинскаго склада ума, своеобразнаго латинскаго рационализма. Въ немъ

чувствуется самодовольная замкнутость и высокомеріе латинской цивилизаціи. Въ католическомъ мірѣ такого рода духовный складъ наиболѣе полярно противоположенъ русскому духовному складу. Нѣмецкіе католики, особенно бенедиктинцы, ближе русскимъ и лучше русскихъ понимаютъ. И среди французскихъ католиковъ я знаю людей другого духа, съ которыми намъ легче общаться, которые интересуются по существу и безкорыстно русской духовной жизнью. О. д'Эрвини внѣшне выражаетъ много симпатій русскому народу, готовъ признать его подлинную религіозность. Но онъ смотритъ на русскій народъ исключительно какъ на религіозный объектъ, а не какъ на религіозный субъектъ. Русскіе по о. д'Эрвини имѣютъ религіозную стихію, но она должна быть оформлена самимъ о. д'Эрвини, русскіе должны быть обращены въ истинную христіанскую вѣру. Такого рода отношеніе дѣлаетъ невозможнымъ проникновеніе во внутреннюю духовную жизнь русскаго народа и до крайности затрудняетъ духовное общеніе между православными и католиками. О. д'Эрвини очень ошибается, если онъ думаетъ, что его писанія способствуютъ сближенію между русскими и католиками и вызываютъ большія симпатіи къ католичеству. По многимъ отзывамъ, я знаю, что онъ достигаетъ прямо противоположнаго, онъ

отталкиваетъ и возмущаетъ. Онъ не проявилъ достаточнаго уваженія къ русскимъ святымъ. Онъ съ нескрываемымъ чувствомъ удовлетворенія отмѣчалъ всякій процессъ разложенія въ Православіи. Онъ не могъ воздержаться отъ выраженія настоящей ненависти къ величайшему русскому гению Достоевскому и этимъ лишь подтвердилъ русское мнѣніе, что западные люди, особенно люди латинскаго духа, неспособны вообще понять русскій духъ, русскій національный гений. Въ тонѣ о. д' Эрбиньи есть снисходительное презрѣніе къ симпатичному, но варварскому русскому народу, который нужно подчинить рациональнымъ нормамъ. Поэтому онъ видитъ лишь фасадъ нашей церковной жизни, видитъ церковную смуту и процессы разложенія во внѣшней организациі Церкви, но не видитъ нашей внутренней духовной жизни, которая возрождается, несмотря на всѣ внѣшнія нестроенія.

Описание о. д' Эрбиньи религиозной жизни Москвы въ Октябрѣ 1925 г. по тону лучше прежнихъ его писаній на русскія темы, но и въ немъ мы встрѣчаемся съ обычными его особенностями: высокомѣрно-презрительнымъ, хотя и благосклоннымъ взглядомъ высоко цивилизованнаго латинянина на варварскую страну, отношеніемъ къ русскому народу исключительно какъ къ объекту религиознаго воздѣйствія извнѣ, неспособность разобраться во внутренней религиозной жизни Россіи. Тема послѣдней работы о. д' Эрбиньи особенно щекотливая: нужно разобраться въ русскихъ церковныхъ распряхъ передъ страшнымъ лицомъ антихристіанской совѣтской власти, которая гонитъ Церковь и религію, и нужно написать объ этомъ такъ, чтобы никому не повредить. Я вѣрю, что о. д' Эрбиньи имѣлъ добрыя намѣренія быть объективнымъ и безпристрастнымъ. Но врядъ ли это ему удалось? Прежде всего нужно сказать, что католику очень трудно понять одну особенность Православія. Православіе иначе понимаетъ вселенскость, чѣмъ католичество, понимаетъ ее вертикально, а не горизонтально. Католическое сознание прежде всего дорожитъ внѣшнимъ единствомъ вселенской организациі церкви и ему представляется, что церковь гибнетъ, когда это внѣшнее единство начинаетъ колебаться. Православіе меньше дорожитъ внѣшнимъ единствомъ міровой организациі церкви, вообще меньше дорожитъ организацией. Православное соз-

наніе допускаетъ, что фактически каждая епархія со своимъ епископомъ можетъ быть автокефальной, и она въ себѣ, по линіи вертикальной, можетъ заключать вселенскость. Вселенское единство церкви при этомъ сохраняется. Потому только Православная Церковь могла сохраниться въ Россіи въ нашу эпоху страшныхъ бурь, смуть и гоненій. Католику представляется, что Православная Церковь перестала существовать, что существуютъ лишь разныя теченія въ Православіи. Такъ и говоритъ о. д' Эрбиньи. Онъ не видитъ Православной Церкви, онъ видитъ лишь православныя теченія. Это его радуетъ, такъ какъ по его церковному сознанию такъ и должно быть съ церковью схизматической, отпавшей отъ вселенскаго единства. По нашему сознанию Православіе, конечно, должно стремиться къ внѣшнему единству, но оно имѣетъ силу существовать и при отсутствіи этого единства. Въ этомъ сила священнаго преданія въ Православной Церкви, дара св. Духа.

О. д' Эрбиньи беретъ подъ свою защиту соборъ и синодъ, отдѣлившіяся отъ Патріарха, старается доказать, что это теченіе — вполне православное, не имѣющее ничего общаго съ красной церковью, съ живой церковью. Я не имѣю достаточныхъ данныхъ, чтобы имѣть окончательное сужденіе объ этомъ вопросѣ. Издали многое не видно или видно въ ложномъ свѣтѣ и искажено. Я считаю грѣхомъ русской эмиграціи, что она считаетъ возможнымъ обо всѣмъ судить апріорно, на основаніи своихъ отвлеченныхъ и часто ложныхъ принциповъ и своихъ привычныхъ эмоцій и аффектовъ. Нужно быть въ Россіи, нужно знать факты и умѣть безпристрастно къ нимъ отнестись, чтобы судить о русской церковной жизни и оцѣнить разныя ея теченія. Я не имѣю возможности фактически возражать о. д' Эрбиньи по поводу его взгляда на нынѣшнее синодальное теченіе. Но ясно все-таки, что теченіе это отдалилось отъ Патріарха и не канонично, что оно проявило меньшую жертвоступность, чѣмъ Православіе, вѣрное традиціи Патріарха, что оно проявило большую приспособляемость и оппортунизмъ и вредило своимъ православнымъ братьямъ, подводило ихъ. Пусть Введенскій, нынѣ митрополитъ, очень краснорѣчивъ и удачно спорилъ съ Луначарскимъ, хорошо защищалъ православную вѣру на Соборѣ, но роль его была некрасивой, предательской относительно митрополита Веніамина, погибшаго

мученической смертью, и Патриарха. Въ образѣ его нѣтъ ничего героическаго. Онъ можетъ спорить публично, потому что онъ купилъ себѣ это право компромиссами и приспособленіями. О. д' Эрбиньи безъ достаточной мѣры восторгается Введенскимъ. Вѣдь О. д' Эрбиньи не имѣлъ возможности говорить съ представителями самаго кореннаго Православія, вѣрнаго Патриарху, по причинамъ для него понятнымъ. Но именно поэтому онъ не можетъ быть вполне объективнымъ судьей. Патриархъ и вѣрное ему Православіе тоже было вѣдь лояльно въ отношеніи къ совѣтской власти и рѣшительно отрицало участіе Церкви въ политической борьбѣ. Оно относилось съ рѣшительнымъ осужденіемъ къ карловацкому собору и не имѣло внѣшнихъ сношеній съ Церковью эмигрантской. Думаю, что о. д' Эрбиньи вѣрно уловилъ отрицательное отношеніе церковныхъ круговъ внутри Россіи къ господствующимъ церковнымъ теченіямъ въ эмиграціи. Но есть теченія въ Россіи, которыя приспособленіемъ, а нерѣдко и предательствомъ, завоевали себѣ право созывать соборы, публично выступить, писать.

Церкви же Христовой въ эпоху гоненій со стороны антихристіанской власти болѣе подобаешь имѣть образъ Церкви катакомбной. И катакомбность Церкви совсѣмъ не означаетъ никакого политическаго заговора, она то и означаетъ чуждость всякой политики и отдачу себя жизни духовной. Въ заключеніи долженъ сказать: я менѣе всего принадлежу къ людямъ враждебнымъ католичеству и отъ души желалъ бы, если не соединенія Церквей, которое можетъ лишь быть дѣломъ Духа св., то во всякомъ случаѣ большаго общенія, большаго взаимнаго узнаванія и болѣе дружественности между христіанами Востока и Запада. Но для осуществленія этой благой цѣли со стороны католиковъ именно въ наши дни нужна величайшая деликатность, безкорыстіе, уваженіе къ православному духовному типу и пониманіе его, какъ съ русской стороны нужно преодолѣніе замкнутости и боязливой враждебности въ отношеніи къ міру католическому и болѣе его знаніе.

Николай Бердяевъ.